

— Приветствую всех на первом выпуске развлекательного шоу «Пик актёрского мастерства», созданного платформой «Новый мир»! С вами его ведущий, Фэн Сэнь.

Благодаря невероятному успеху выступления Чу Цинюня с отрывком из «Агента под прикрытием», которое до сих пор красовалось на главной странице «Нового мира», а также интригующей теме сегодняшнего выпуска — кроссдрессingu, — число зрителей на трансляции в несколько раз превысило показатели первого этапа. Сервера платформы с трудом справлялись с наплывом гостей, из-за чего трансляция временами безбожно висла.

Едва ведущий закончил приветствие, как экран скрылся под лавиной комментариев.

— Началось, началось! Тридцать миллионов зрителей! Мамочки, это же уровень новогоднего огонька!

— Ну, цифры наверняка слегка накручены, но для «Нового мира» это абсолютный рекорд.

— Все играют противоположный пол! Режиссёр просто гений! Я так и села, когда увидела промо-фото.

— Да ладно, некоторым актёрам женские роли вообще не идут. Они просто испоганят классику.

— А-а-а-а! Я здесь ради «Дворца вечной жизни»! Настоящих исполнителей женских ролей в опере днём с огнём не сыщешь! Чичи, ты исполнил мою мечту!

— А я пришла ради «Кровавой луны». Промо-фото — просто отвал всего! Пока остальные клоунничают, Юэжу в исполнении Чу Цинюня — истинная женственность, хе-хе.

— Пришёл посмотреть на Сяовэя. Кто тут тот парень, который так круто хрустел пальцами в «Агенте под прикрытием»?

— О боже! Шао Жань играет императрицу! Наш малыш совсем вырос!

— Мне кажется, у Чу Цинюня шаткое положение. Первый его выход был слишком шедевральным, теперь планка задрана до небес.

— Вообще-то самые завышенные ожидания у Чжоу Чи! «Дворец вечной жизни» — бессмертная классика, а не какое-то попсовое кино с претензией на морализаторство.

— Эй! «Кровавая луна» вообще-то шедевр! Фильм собрал кучу наград!

— Волнуешься? — Сун Сюйян, затянутый в тесное розовое ципао, заметил, что Хэ Юэ слегка потряхивает. Он приподнял край её наплечной накидки и принялся обмахивать её, словно веером.

— Есть немного, — Хэ Юэ сделала несколько глубоких вдохов, пытаясь унять дрожь. — Всё-таки впервые играю мужчину... Чёрт, знала бы — доплатила бы за суфлёр побольше! В голове абсолютная пустота.

— А ведь сами надо мной издевались! — хохотнул Сун Сюйян и легонько хлопнул стоявшего рядом Чу Цинюня по плечу.

Чу Цинюнь обернулся. Его лицо с тонкими изящными бровями и алыми губами дышало той неуловимой, андрогинной красотой, что стирает грани между мужским и женским.

В чате персональной трансляции тут же посыпались восторженные вздохи и виртуальные поцелуи.

Даже те зрители, что обычно игнорировали прямые эфиры и ждали смонтированных выпусков, застыли в изумлении. Одно дело — статичные снимки, и совсем другое — живой человек. Чу Цинюнь и в обычном-то виде приковывал взгляды, но в женском образе его мимика, полуулыбка, каждый жест рождали щемящее чувство нежности и трепета.

— Не переживай, я вас точно на дно не утяну, — выдохнула Хэ Юэ, наконец справляясь с нервами.

В гримёрку вошёл ведущий с коробкой для жеребьёвки в руках.

— А теперь попрошу по одному представителю от каждой команды подойти для жеребьёвки. Определим порядок выступлений!

Озвучив правила, Фэн Сэнь принялся с нескрываемым любопытством разглядывать собравшихся.

Для зрителей сегодняшнее шоу было весёлым аттракционом, но для участников на кону стояли реальные баллы. Поэтому даже те, кому амплуа противоположного пола категорически не подходило, выложились на репетициях и гриме на полную.

И всё же ведущий не сдержался и прыснул.

— Ха-ха-ха! Простите, — сквозь смех выдавил он. — Но глядя на то, как ответственно вы все

подошли к перевоплощению, понимаешь: актёр без истинной веры в предлагаемые обстоятельства просто не выживет!

Актёры под прицелом камер дружно зашумели, деланно возмущаясь его безжалостной иронией, но тоже покатываясь со смеху.

Тянуть жребий от команд вызвались девушки — в брюках передвигаться было куда сподручнее, чем парням, путающимся в подолах юбок и халатов.

Хэ Юэ вытянула двойку. Едва сдерживая ликование, она на цыпочках поспешила обратно к своим.

В шоу со зрительским голосованием выгоднее выступать под занавес — так проще запомниться публике. Однако здесь правила были иными: оценки выставлялись режиссёрами сразу после каждого номера. В таких условиях ранний выход давал колоссальное преимущество. Достаточно вспомнить, как во время первого прослушивания Чу Цинюнь со своим «Агентом под прикрытием» шёл вторым. После его триумфа любые последующие выступления казались блёклыми — как судьям, так и зрителям, — из-за чего оценки остальных участников неизбежно поползли вниз.

— Ну всё, пиши пропало, — уныло протянул кто-то, глядя на счастливую Хэ Юэ. — Кому-то «повезёт» выступать сразу за вами.

Воспоминания о том, как Чу Цинюнь буквально растоптал их своими баллами в прошлый раз, были ещё слишком свежи.

— Теперь, согласно правилам, я должен обратиться к Чжоу Чи, — ведущий повернулся к актёру. Стоило камере крупным планом показать Чжоу Чи в роскошном оперном облачении, как экран заполонили восторженные смайлики его фан-клуба. — У тебя на руках есть купон на изменение очередности выступлений. Будешь использовать? Напоминаю: срок действия сгорает сегодня. Если не воспользуешься сейчас, он просто пропадёт.

— Мы выступаем третьими, и этот расклад нас полностью устраивает, — с мягкой улыбкой ответил Чжоу Чи. — Подскажите, а я могу его кому-нибудь подарить?

— Правилами это не запрещено, — кивнул ведущий.

Те же, кому выпало закрывать концерт, мгновенно подобрались. На Чжоу Чи уставились десятки пар полных надежды глаз.

— В таком случае я отдам его... тому, кто сегодня проснулся раньше всех. С одним условием: чур не меняться со мной!

Кто же встал раньше всех?..

Переглянувшись, участники дружно указали на Бай Вэя.

А ведь его команда должна была закрывать шоу!

— Какое совпадение! Сразу шестая группа! — рассмеялся ведущий, приглашая Бай Вэя, неловко придерживающего подол платья, выйти вперёд. — Ну что, Бай Вэй, с кем хочешь поменяться местами?

— Я... — Бай Вэй обернулся к коллегам. Стоило его взгляду задержаться на ком-то, как те тут же опускали глаза, молясь не оказаться на месте жертвы.

— Ну всё, приехали, — едва слышно прошептал Сун Сюйян на ухо Чу Цинюню. — Нас выберет, сто процентов.

Его петличка была включена, так что шёпот разнёсся по обоим стримам. Зрители в комментариях дружно согласились с его прогнозом.

Пусть никто не озвучивал это вслух, и среди участников хватало ребят с профессиональным актёрским образованием, негласный статус Чу Цинюня как сильнейшего соперника признавали все. Отодвинуть его в самый конец очереди, подставив под более строгую оценку уставших судей, было выгодно абсолютно всем.

Бай Вэй повернулся к ведущему и виновато улыбнулся:

— Думаю, моё решение совпадёт с ожиданиями большинства. Я выбираю команду нашего сильнейшего соперника — Чу Цинюня.

Камера тут же выхватила лица троицы из каста «Кровавой луны». На них не отразилось ни капли удивления — они ждали именно этого.

— Прости, — развёл руками Бай Вэй, глядя на Чу Цинюня. — Ничего личного. Просто если ты выступишь раньше, после тебя нас никто даже слушать не захочет.

Ведущий протянул микрофон пострадавшей стороне:

— И каков будет ответ команды «Кровавой луны»?

Чу Цинюнь с каменным лицом перехватил микрофон:

— Хорош мне дифирамбы петь.

В его тоне не было злости, поэтому зал и участники дружно покатались со смеху, засыпая его шутливыми комплиментами.

— А кто виноват, что ты в этом образе краше всех девчонок?!

— Босс, пощади! Оставь нам хоть шанс выжить!

— Мы тут чисто ради клоунады, вся надежда на твой шедевр в финале! Спасай рейтинг шоу!

Чу Цинюнь лишь скептически фыркнул на эти излияния:

— Да ладно вам, дешёвые отмазки.

Это вызвало новый взрыв хохота.

Стоявший неподалёку Чжоу Чи натянуто улыбнулся.

Пусть его скрытый план сработал, он вовсе не ожидал, что вся толпа бросится петь дифирамбы Чу Цинюню. Это же соревнование! Неужели эти идиоты всерьёз признали его лучшим? Они что, с ума посходили?

Однако прямой эфир — не запись, его не смонтируешь постфактум. Ярлык «сильнейшего» намертво приклеился к Чу Цинюню в умах миллионов зрителей.

— Эх, не с теми я связался, — сокрушённо вздохнул Сун Сюйян, но, глянув на друга, тут же смягчился: — Ладно, прорвёмся. Порядок выступлений решает многое, но я верю, что наша игра компенсирует любые неудобства.

После ещё пары дежурных любезностей в адрес невозмутимого Чу Цинюня ведущий вернулся на сцену, чтобы объявить окончательный регламент и напомнить зрителям правила судейства.

— За этим огромным экраном скрываются шесть съёмочных павильонов с воссозданными декорациями, — вещал ведущий. — Камеры и режиссёры эфира полностью готовы. Выступления будут транслироваться на экран в режиме реального времени, после чего участники выйдут на сцену для получения судейского вердикта. Разумеется, их соперники в гримёрках тоже смогут наблюдать за всем происходящим на экранах мониторов.

Под бурные аплодисменты зала третий этап проекта был официально объявлен открытым.

Вопреки опасениям зрителей, ожидавших, что проект превратит признанные шедевры в балаган, большинство участников отнеслись к задаче со всей серьёзностью. Впрочем, рвение не всегда гарантировало качество. Переигрывание лицом и заминки с текстом то и дело портили впечатление. Бай Вэй, выторговавший себе вторую позицию, умудрился дважды забыть свои реплики.

Что ещё хуже, его команда решила обойтись без стандартных суфлёров, и стоило парню запнуться, как его взгляд начинал лихорадочно метаться в поисках подсказки, что напрочь убивало всю атмосферу.

Настоящий прорыв случился лишь тогда, когда на сцену вышла команда Шао Жаня.

Легендарная кинолента «Дворец вечной жизни» давно стала классикой китайского кинематографа. Она повествует о трагической судьбе знаменитого актёра пекинской оперы в эпоху великих потрясений.

Традиция мужского исполнения женских ролей — наньдань — веками существовала в опере, поэтому сложный грим и многослойные костюмы без труда стёрли гендерные различия. Единственную же мужскую роль здесь играл евнух, доставшийся девушке из команды Чжоу Чи, что значительно упростило ей задачу.

Прекрасный первоисточник в сочетании с великолепными образами стал настоящим бальзамом для глаз зрителей, уставших от нелепости предыдущих номеров. На этот раз диссонанса не возникло.

— Сегодня ты будешь петь, хочешь того или нет!

Облачённая в костюм евнуха актриса вальяжно покачивалась в резном кресле, бережно баюкая в руках изящный нефритовый чайник:

— Наш брат в императорских покоях и не таких господ видывал. Ты, девка, птица того же полёта, что и я, — жизнь твоя гроша ломаного не стоит, а гонору-то сколько!

У девушки была прекрасная дикция и поставленный голос. Она жеманно отставила мизинец, искусно имитируя надтреснутый, визгливый фальцет старого слуги, соскальзывающий на высоких нотах в хрип.

— Сестрица, не упрямясь! — взмолился второй актёр.

Ему досталась роль старшей соученицы главного героя. В прошлом яркая звезда сцены, она выкупила себя из труппы ради любимого мужчины. Однако тот проиграл все её сбережения до

единого юаня и бросил на произвол судьбы. Годы непосильного труда сорвали её голос, вынудив вернуться в театр на вторых ролях — играть уродливых свах да безликих служанок.

Именно её трагедия заставила главного героя навсегда разочароваться в мирской любви и обречь себя на одиночество.

— Тебе наконец-то доверили партию Ян-гуйфэй! Не губи свою судьбу своими же руками!

— Хоть императора ныне и нет на троне, — самодовольно протянул евнух, — в этом городе я волен вознести любого до небес или стереть в порошок. Так что думай сама, милочка.

Чжоу Чи прикрыл лицо широким рукавом халата. После долгой, гнетущей паузы он медленно опустил руку и процедил сквозь зубы полную бессильного отчаяния фразу:

— Хорошо... Я буду петь.

Он расправил полы одеяния. Как только свет в павильоне погас, из динамиков полилась старая архивная запись великого мастера оперы. Чистый, парящий вокал мгновенно перенёс зрителей в эпоху Тан, заставив воочию узреть утопающую в роскоши и императорской ласке Ян-гуйфэй.

В оригинальном фильме тоже использовалась фонограмма легендарного исполнителя, поэтому никто из зрителей не стал придирается к очевидному липсинку.

Когда сцена погасла, зал взорвался овациями — куда более бурными, чем после первых двух номеров.

Трое из четырёх режиссёров — Чжу Ли, Фан Чжоо и режиссёр Цзян — оценили выступление выше девяноста баллов. На фоне прошлых результатов это был феноменальный успех.

— Пока что это моя любимая работа за сегодняшний вечер, — призналась Чжу Ли. — Во-первых, вы смотрелись максимально органично в этих образах. Во-вторых, ваш профессиональный рост очевиден. Чжоу Чи, твоя эмоциональная кульминация меня по-настоящему поразила. Прогресс налицо.

Фан Чжоо и режиссёр Цзян поддержали коллегу высокими оценками. Команда действительно проделала огромную работу, особенно в сценах с рыданиями: от безмолвных, удушающих слёз до истерических рыданий и, наконец, финальной безмолвной слезы, скатившейся по щеке во время пения через силу.

Поклонники Чжоу Чи уже всюду строчили скриншоты в соцсетях, продвигая хэштеги о его «поразительной надломленности».

Во время первого этапа этот эпитет достался Чу Цинюню за роль Сяовэя, что безумно бесило фанатов Чжоу Чи. Теперь они наконец-то смогли взять реванш.

И лишь четвертый арбитр нарушил эту идиллию, заметно подпортив общую картину своими оценками.

[89, 80, 85]

Восемьдесят пять баллов — именно столько присудили Чжоу Чи.

Этим строгим судьёй была сорокалетняя Линь Юэшу, присоединившаяся к проекту на прошлом этапе. Свою карьеру она начинала со съёмок музыкальных клипов, где прослыла непревзойдённым мастером раскрытия человеческой красоты. В её объективе любой актёр или актриса раскрывали свой эстетический потенциал на все сто процентов. Стоило ей взяться за проект, как исполнители главных ролей мгновенно просыпались знаменитыми. Позже она успешно переключилась на полнометражное кино и сериалы.

Снятые ею драмы считались образцами долговечности: даже спустя десять лет фанаты продолжали нарезать из них атмосферные клипы. Её фильмы ежегодно крутили по центральным каналам, а кастинги в новые проекты напоминали битву за золотой билет в высшую лигу шоу-бизнеса.

Правда, характер у госпожи Линь был не сахар. В своих оценках и комментариях она порой обгоняла по резкости даже режиссёра Цзяна.

Если Цзян за долгие годы в индустрии приобрёл авторитетную вальяжность, то Линь Юэшу просто отличалась невыносимой язвительностью. Казалось, она вечно всем недовольна. Но если уж кто-то умудрялся заслужить её одобрение, это приравнивалось к знаку качества государственного уровня. Пусть её кассовые сборы уступали блокбастерам Фан Чжоо, а авторитет — патриарху Цзяну, её вес в индустрии был непререкаем. Любой начинающий артист мечтал получить от неё приглашение на пробы.

Предыдущим участникам она щедро раздавала то пятьдесят, то шестьдесят баллов, а несчастного Бай Вэя за его блуждающий взгляд и вовсе покарала круглым нулём.

Если критику режиссёра Цзяна сравнивали с холодным душем, способным довести до слёз, то Линь Юэшу закапывала несчастных живьём прямо на сцене.

Так что её текущие оценки не показались заниженными. Все затаили дыхание, ожидая комментариев.

— Должна признать, вашей команде чертовски повезло с материалом, — её первые же слова вызвали оживлённый шёпот в зале. — Начнём с типажей. В пекинской опере изначально

стёрты границы между мужским и женским исполнением. Стоило вам надеть эти халаты и наложить грим, как исчез малейший намёк на гендерный диссонанс. Согласны?

Оба молодых человека послушно кивнули.

— Умение выбирать правильный материал — важный навык для актёра. Вы сделали ставку на классику и не прогадали, за что я не стала снижать баллы. Однако к самой актёрской игре у меня масса вопросов.

Она указала кончиком ручки на исполнительницу роли евнуха:

— Роль евнуха удалась. Тебе тоже повезло с фактурой, но сыграть старого, умудрённого опытом интригана — задача не из лёгких. Ты отлично передала его манеры и спесь, за что и получила наивысший балл в тройке. Но вот вы двое... Расскажите-ка мне, как вы понимаете своих героинь?

«Дворец вечной жизни» был разобран критиками до косточек. Парни послушно озвучили стандартные, общепринятые трактовки, сорвав одобрительные кивки части аудитории.

Однако брови Линь Юэшу сошлись на переносице.

— Всё, что вы сейчас сказали, касается сюжета и характера персонажа, но никак не женской сути, — покачала головой она. — Каково ваше понимание женской психологии в рамках этой роли? Кроссдрессинг — это не просто маскарад с переодеванием и писклявым голосом. Вы смогли влезть в шкуру персонажа, но не смогли примерить на себя чужой пол. Это же касается и девушек из прошлых команд: они так и остались женщинами в мужских костюмах.

Режиссёр Цзян согласно прикрыл глаза, а Фан Чжоо поспешил возразить:

— Госпожа Линь, позвольте не согласиться. На мой взгляд, работа выполнена безупречно. Особенно у Чжоу Чи — он прекрасно передал трагизм судьбы оперного артиста. Все люди разные. И если мы начнём требовать от мужских или женских персонажей следования определённым шаблонам, то уйдём в плоскость чистых стереотипов.

— Я говорю вовсе не о стереотипах, всё гораздо тоньше, — возразила Линь Юэшу. — Я имею в виду базовую эмпатию и умение смотреть на мир глазами своего персонажа. Вот актриса, сыгравшая евнуха, уловила это. И тот парень в мини-юбке из первого этапа тоже справился неплохо.

Она вспомнила выступление Чэнь Сяоди:

— Ему, конечно, помог современный контекст — его героиня была сильной, независимой женщиной из высшего общества, не обременённой тяжёлым прошлым. Но в случае с Ян-

гуйфэй и её старшей сестрой-соученицей всё обстоит иначе. Вы показали их страх. Но природа этого страха была фальшивой.

После этих слов Фан Чжоо мгновенно уловил мысль коллеги и согласно кивнул:

— Понимаю, о чём вы. По логике сцены две молодые актрисы, которых приводят в покои к влиятельному незнакомцу, должны подсознательно испытывать страх сексуального насилия. Вы инстинктивно закрывали руками грудь, но это выглядело как попытка защититься от физического удара, а не как попытка уберечь свою честь. Нюанс упущен.

На лице Чжоу Чи отразилось искреннее озарение:

— Вот оно что... Теперь я понимаю.

Линь Юэшу благосклонно кивнула, оценив его готовность учиться:

— Именно. Общественные требования к мужчинам и женщинам в те времена кардинально различались. Трагедия фаворитов и актёров-наньдани крылась в том, что патриархальный мир ставил их в положение бесправных женщин. Им приходилось испытывать страх, чуждый свободному мужчине. Но для любой женщины той эпохи этот ужас был верным спутником с самого рождения. Особенно если учесть их профессию. Оперные певицы воспринимались сильными мира сего лишь как улада для глаз и тела. Поэтому перед лицом неизвестности их первостепенный страх был связан именно со своей уязвимостью как женщин. Трепет перед чужой властью шёл уже вторым планом. Актёрам-мужчинам, не имеющим подобного опыта, крайне тяжело уловить эту тонкую грань.

— Для вашего поколения это действительно слишком сложные материи, однако мэтры старой школы всегда уделяли подобным деталям колоссальное внимание, — добавил режиссёр Цзян. — Мужчины редко играют женщин всерьёз, но такие примеры есть. Лет двадцать назад один выдающийся актёр сыграл простую деревенскую женщину. Глядя на него, я кожей ощутил её беспросветное, чисто женское отчаяние. Качественный кроссдрессинг — это не кривляние ради смеха, а мощнейший инструмент эмпатии.

— Подобная глубина приходит лишь с годами и жизненным опытом, — мягко улыбнулась Чжу Ли. — Вы требуете от зелёных новичков невозможного.

— Пожалуй, вы правы, — согласилась Линь Юэшу. — Но в целом — очень достойная работа.

Среди зрителей шоу преобладала женская аудитория. Им ли было не знать того глубинного страха, о котором говорила Линь Юэшу? Чат заполнили хвалебные оды профессионализму судей.

Но вскоре среди общего гула выделилась цепочка весьма любопытных сообщений:

— Погодите-ка... Мне одной кажется, что мы это уже где-то слышали?

— Реально! Девчат, кто-нибудь зависал на стримах Чу Цинюня? Он ведь слово в слово объяснял это Сун Сюйяну на репетиции!

— Не прямо один в один, но суть та же. Честно говоря, для парня заметить такие тонкости — это мощно...

— Его же вырастила приёмная мама. Судя по его рассказам, она очень нежная, мудрая и утончённая женщина.

— Ой, не надо про маму, я сейчас расплачусь!

— Этот Чу Цинюнь вообще человек? Вроде только вуз окончил, опыта ноль, а выдаёт такое...

— Чего фанаты Чу опять лезут во все щели со своим кумиром? Дайте сначала его выступление посмотреть!

— Да без шуток, он реально натаскивал команду по этим моментам! Пойду пересмотрю запись стрима.

— Я вернулась после пересмотра. Всё подтверждаю. Может, он и не выразился так высокопарно, как судьи, но суть уловил идеально. Парень чертовски крут.

— Боже, я уже сгораю от нетерпения увидеть его Юэжу! Ну почему его поставили в самый конец?!

Анализ Линь Юэшу встряхнул остальных участников. Те, кто ещё ждал своей очереди за кулисами, принялись лихорадочно корректировать свои образы, добавляя в игру психологические полутона. В итоге средний балл у последующих команд заметно вырос.

Шао Жань внешне совсем не походил на женщину, но его актёрское мастерство заставило судей закрыть на это глаза. Он удостоился высших оценок — все судьи выставили ему больше девяноста баллов.

В образе властной императрицы не было места девичьему страху. Правитель, какого бы пола он ни был, ведом лишь одним — абсолютной жаждой власти.

Даже вечно придиричивая Линь Юэшу с улыбкой заметила:

— Великолепно. На миг мне показалось, что эта пугающая жажда власти исходит из твоей

собственной глубины.

Шао Жань скромно улыбнулся:

— Вы мне льстите, госпожа Линь. Но скрывать не стану — я тоже далеко не безгрешен и амбиций мне не занимать.

Проводив команду Шао Жаня со сцены, ведущий заговорщически улыбнулся и обратился к залу:

— Пока шёл эфир, я внимательно следил за комментариями. И знаете что? Наша аудитория буквально затаила дыхание в предвкушении финального выступления.

Зрители в зале разразились одобрительным гулом.

На первом этапе шоу все лавры и восторги доставались Чжоу Чи и Ху Имину, но теперь вектор внимания зрителей кардинально сместился.

— В этой команде выступает обладатель звания лучшего актёра первого тура. Его номер возглавлял топ просмотров на главной странице «Нового мира» целую неделю! Госпожа Линь, вас не было на прошлом этапе. Скажите, вам удалось посмотреть ту запись?

— Да, я видела её, — улыбнулась Линь Юэшу и искоса взглянула на соседа. — Слышала, коллега Цзян от него просто в восторге?

Режиссёр Цзян кивнул:

— Весьма трудолюбивый юноша.

— Амбиций ему точно не занимать, да и публику очаровывать он горазд, — высказалась Линь Юэшу, в чьём голосе, однако, восторга не улавливалось. — В отличие от режиссёра Цзяна, я не столь падка на смазливые лица. У этого парня отличная экспрессия, но кино состоит не из одних лишь бурных истерик. Сегодня у них классическая драма, чистый разговорный жанр. Посмотрим, на что он способен.

Режиссёр Цзян весело рассмеялся:

— Попрошу без намёков! Я ценю исключительно талант.

Линь Юэшу лишь шутливо покачала головой. Отношения между старыми друзьями позволяли подобные беззлобные подначки.

Свет в зале снова померк. Огромный экран ожил, являя зрителям декорации «Кровавой луны»: Хэ Юэ в образе сурового Маршала и долговязого Сун Сюйяна, затянутого в кричаще-розовый шелк женского ципао.

В зале тут же прокатился дружный хохот.

В оригинальном фильме Пятую госпожу играла хрупкая, миниатюрная актриса. Высокий же Сун Сюйян, хоть и не отличался богатырским телосложением, в облегающем платье выглядел скорее как грозная разбойница с большой дороги, нежели кроткая красавица из южных краёв.

Зато Хэ Юэ в мужском образе смотрелась превосходно. Дорогой парик от ведущего стилиста сидел как влитой, ничем не выдавая фальши.

Начальную сцену многие зрители уже успели изучить по фанатским нарезкам: томящийся в ожидании Шестой госпожи Маршал и манерная Пятая госпожа, кокетливо лепечущая на ломаном английском ради его внимания.

Этот короткий комедийный этюд блестяще передал и похотливую натуру вояки, и взбалмошный нрав его фаворитки.

По залу прокатилась волна удивлённых вздохов. Никто и представить себе не мог, что долговязая дева-разбойница в исполнении Сун Сюйяна окажется настолько умильной и кокетливой!

Но магия сцены работала безупречно.

Эта команда пришла сюда не за дешёвым смехом.

Четверо судей подались вперёд, затаив дыхание.

Даже искушённые завсегдатаи прямых эфиров, мысленно готовые к любому исходу, были потрясены тем, как органично Сун Сюйян преодолел свою брутальную фактуру.

С замиранием сердца зрители наблюдали, как Пятая госпожа грациозно опустилась на колени к Маршалу и, склонив голову, нежно потянулась к его губам. Кое-кто из комментаторов в этот миг готов был продать душу, лишь бы оказаться на месте Хэ Юэ.

Да, угловато, да, крупно в костях — но сколько в этом жесте было чарующей истомы!

И как раз в тот миг, когда одурманенный Маршал готов был сдаться под её натиском, раздался тихий скрип открываемой двери.

Камера плавно сменила ракурс. Повторяя культовый кинокадр, камера сначала сфокусировалась на паре изящных чёрных туфель на шпильке. Обутая в них гостья ступала неспешно, с вкрадчивой грацией хищницы. Взгляд камеры медленно скользнул выше — по безупречно гладким, точёным икрам, бёдрам, скрывающимся под соблазнительно высоким, взлетающим при каждом шаге разрезом платья...

Выше, очерчивая волнующие изгибы бёдер, осиную талию, хрупкие алебастровые плечи и изящную шею...

И замер на каскаде густых, блестящих тёмных локонов, мягко спадающих на спину.

Даже самый дорогой парик уступает естественной шевелюре. Тонкие, непослушные пряди собственных волос Чу Цинюня, выбивавшиеся из общей причёски, лишь добавляли образу первозданной прелести, укутывая его аурой таинственного покоя.

Камера совершила плавный облёт и чуть отдалилась. В кадре промелькнула изящная мочка уха, благородный профиль, ошеломлённое лицо Маршала и вспыхнувший ревностью взгляд Пятой госпожи. И наконец — общий план.

Мир увидел его лицо. Глаза — бездонные, темнее самой глубокой ночи, мерцающие холодным блеском драгоценного нефрита. Изящный, хрупкий силуэт, в котором каждая деталь была сотворена с божественной безупречностью.

На его губах играла едва заметная, равнодушная улыбка, словно застигнутая им сцена не стояла и капли внимания. Но от этого ледяного взгляда у каждого зрителя внутри всё сжималось — в нём читалось неприкрытое, величественное презрение.

Но именно это превосходство выдавало стальную внутреннюю силу персонажа. Оно подавляло, подчиняло своей воле и одновременно заставляло желать лишь одного — пасть к его ногам.

Цок, цок.

Тихий, ритмичный стук каблуков эхом отдавался в сердцах присутствующих.

Это была ослепительная, подавляющая красота. Словно в саду распустился редчайший цветок лунного кактуса, заставив все прочие растения мгновенно поблёкнуть.

Пока Чу Цинюнь ждал своего выхода за кулисами, он благоразумно собирал волосы в хвост, обнажая резкие очертания подбородка и кадык, дабы не травмировать психику коллег раньше времени.

Но сейчас его тёмные локоны свободно рассыпались по плечам. В зыбком полумраке свечей они отбрасывали мягкие тени на лицо, полностью размывая контуры лица и стирая саму

границу гендера.

На фоне этого величественного, неприступного цветка, выросшего на ледяных кручах, манерная Пятая госпожа казалась весёлой, но заурядной девчонкой с соседней улицы.

В это мгновение и пятьсот зрителей в зале, и многомиллионная армия у экранов совершили то же предательство, что и Маршал.

Тот бесцеремонно схватил прильнувшую к нему фаворитку за талию и безжалостно сбросил со своих колен на пол. Глядя на вошедшего гостя расширенными от восторга глазами, он едва слышно прошептал:

— Юэ... Юэжу.

<http://bllate.org/book/20480/2192906>